

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

НОЧНОЙ УБИЙЦА

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Ночной убийца / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229810-3

Конец 1944 года. Представители стран антигитлеровской коалиции собираются на Четвертую Московскую конференцию, чтобы обсудить будущее мироустройство. Одновременно это подходящая возможность «прозондировать почву», выяснить намерения союзников, добыть чужие секреты. Чтобы пресечь утечку информации, на встречу глав государств направляется группа подполковника Максима Шелестова. Но ее приезд омрачается неожиданным происшествием. В самом центре Москвы один из подчиненных Шелестова, Виктор Буторин, становится свидетелем убийства неизвестного гражданина. Видел Буторин и убежавшего преступника. Наши агенты еще не знали, что именно с этим человеком им придется столкнуться в кулуарах конференции при очень странных обстоятельствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229810-3

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Основано на реальных событиях во время проведения так называемой 4-й Московской конференции в конце 1944 года

ГЛАВА 1

Весну 1929 года забыть было невозможно. Степан Артемьевич Кузин и спустя пятнадцать лет часто просыпался по ночам в холодном поту, вставал, пил воду, а потом подолгу, часто до самого рассвета, лежал с открытыми глазами и смотрел в темноту. И там, в этой темноте, он снова видел китайских солдат, врывавшихся в здание консульства, выламывающих двери в квартиры служащих КВЖД и дипломатов. Китайцы вели себя грубо, но все равно с определенной сдержанностью. Среди них мелькали европейские лица. Эти люди, одетые в такую же форму, что и китайские военные, только без знаков различия, откровенно провоцировали на сопротивление. Они избивали женщин, рвали

на них одежду, оскорбляли дипломатов, обшаривали одежду, заставляли людей стоять подолгу у стены, заложив руки за голову. За малейшее неисполнение приказа жестоко избивали, нередко наносили неглубокие, но болезненные порезы штыками винтовок.

Дипломаты, старые дальневосточные коммунисты, пытались прикрыть собой сотрудников, простых работников. Они публично высказывались против произвола, нарушения международных прав, требовали уважительного отношения к себе. А потом Степан увидел свою жену. Она должна была уехать еще ночным экспресом в Москву на партийную конференцию, посвященную обострению ситуации на КВЖД. Этого зрелища Кузину было не забыть уже никогда — чудовищного злодеяния, которому нет определения, объяснения и прощения...

Он узнал его, это был бывший поручик Овсянников, офицер семеновского казачьего войска, свирепствовавшего в Забайкалье в годы Гражданской войны. Узнала Овсянникова и жена Кузина Анфиса. И когда она выкрикнула его имя и стала изобличать Овсянникова в провокации, пособничестве мировому империализму против своей Родины, поручик выхватил пашку. Дальше все было как в страшном сне. Белогвардеец вдруг ударил женщину по лицу, схватил ее за волосы

и рывком наклонил голову. Да так, что Анфиса непроизвольно упала на колени. Взмах шашки, и на каменных плитах двора в конвульсиях забилось обезглавленное тело жены. Обезумевший от ужаса Степан Кузин бросился вперед, но кто-то ударил его по голове, и он потерял сознание.

Тогда, весной 1929 года, китайскими властями были арестованы более двух тысяч советских граждан: рабочих и служащих КВЖД, сотрудников консульства в Харбине. Несмотря на направленные СССР ноты протеста, призывавшие к гуманному отношению и освобождению незаконно арестованных советских граждан, арестованные советские граждане содержались в невыносимых условиях. Более десяти человек были обезглавлены¹. Несмотря на требования освобождения арестованных, заявленные советским правительством, они в течение нескольких месяцев продолжали находиться в заключении в невыносимых условиях.

Группа Шелестова в полном составе собралась в приемной Берии. Оперативники не успели даже рассесться по стульям, как открылась дверь и в приемную вышел Платов.

¹ *Винаров И. Ц. Бойцы тихого фронта. — София: Свят, 1989. — С. 195.*

— Вы здесь? — прозвучал риторический вопрос.

Комиссар госбезопасности осмотрел каждого оперативника с ног до головы, но, скорее всего, не для того, чтобы убедиться в том, что сотрудники имеют опрятный внешний вид. Судя по его задумчивому взгляду, думал Петр Анатольевич сейчас совсем о другом. Наверняка уже строил в голове какие-то схемы, соотносил силы сторон, планируя предстоящую операцию.

— Заходите. — Посторонившись, Платов пропустил всех четверых в кабинет и плотно закрыл дверь.

В кабинете Берия царил полумрак. Сам нарком сидел в углу, прижимая наушник и поворачивая ручку большого радиоприемника с зеленым глазком. Оперативники замерли в ожидании, но Берия, не поворачивая головы, жестом велел проходить. Что он слушал, какие радиостанции заинтересовали наркома, никто пока не знал. Группа уселась у стены в ряд на стульях, Платов, положив на стол папку, уселся у приставного стола. Ждать пришлось еще минут пятнадцать. Наконец Берия выключил радиоприемник, положил на столик наушники и неслышно прошел к своему рабочему столу. Сегодня нарком был одет в гражданский костюм и рубашку с галстуком. Видимо, он только

что вернулся с какого-то официального приема на уровне правительства.

— Ну что же, товарищи. — Берия сидел на стуле боком, повернувшись к оперативной группе. От света настольной лампы на стеклах его очков играли загадочные огоньки. — Я полагаю, что вы готовы к работе?

— Так точно! — Шелестов поднялся, чтобы доложить по всей форме, но нарком поднял руку, останавливая подполковника.

— Знаю, знаю! — негромко сказал он. — Сядьте. Сидите и слушайте. В самое ближайшее время мы ожидаем прибытия в Москву премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Это не просто визит, это очень важный визит. На днях здесь, в Москве, пройдет очередная конференция глав государств антигитлеровской коалиции. Очередная, четвертая, и очень странная, если смотреть на нее со стороны.

Берия поднялся из-за стола, прошелся по ковровой дорожке до двери и вернулся назад. Было понятно, что он подбирает слова, хочет многое объяснить своим сотрудникам. И эти объяснения очень важны, раз нарком так старается передать их смысл. Это своего рода оперативная установка. И Шелестов, да и все члены группы прекрасно знали, что Берия умеет

подбирать кадры, умеет выискивать в людях то главное, на что в самый важный момент можно положиться. Он часто давал группе важные задания, сверхважные, но никогда не ставил задач невыполнимых. Никогда не бился в истерике и, брызгая слюной, не кричал, что выполнить надо любой ценой, что все поставлено на карту и вы последняя сила, которая может спасти Родину и вообще весь мир.

Нет, Лаврентий Павлович Берия умел просчитывать ситуацию на несколько шагов вперед. Удивительно, но он единственный, кто остался возле Сталина из всех, с кем тот начинал восхождение к власти. Он был незаменим, он сумел сохранить со Сталиным дружеские отношения. Он был единственным человеком в правительственной среде, кто был со Сталиным на «ты» и мог называть его старым партийным псевдонимом Коба. Берия был великим организатором. Никто бы на его месте не смог в первый год войны организовать эвакуацию на Восток практически всей военной промышленности и практически сразу, с колес, запустить там производство такой необходимой фронту продукции. Берия был всегда у Сталина под рукой, всегда давал мудрые советы и ни разу не подвел вождя.

— Странная она потому, что из всей коалиции присутствовать и что-то решать будут лишь две делегации: наша и британская. Американский президент болен, и присутствовать в качестве наблюдателей со стороны Соединенных Штатов будет Аверелл Гарриман — специальный представитель президента США в СССР и Великобритании. Аверелл Гарриман и глава военной миссии США в Москве генерал-майор Джон Дин. Не считая, конечно, других сотрудников.

— Видимо, Великобритания воспользовалась болезнью президента США и решила уладить интересные для себя вопросы с нами за спиной американцев? — предположил Шелестов.

— Практически так оно и есть, — кивнул Берия. — Все правильно. На завтрак брошен один из самых важных вопросов, волнующих американцев: будет ли Советский Союз участвовать в войне с Японией на стороне союзников. Они проворонили Перл-Харбор, они завязли в островных сражениях, а Япония все больше оккупирует континентальные районы Маньчжурии. Но Черчилль, играя роль преданного друга Страны Советов, продолжает играть свою игру. Великобритания никогда не откажется от колониальной политики. Поэтому са-

мым важным вопросом будет разделение сфер влияния на Балканах, судьба Восточной Европы и прежде всего Польши. Черчилль будет держать в узде и подкармливать Польшу, которую сам же не раз называл гиеной Европы. Поэтому на конференции будут присутствовать и представители польского правительства в изгнании, но там же будут присутствовать и представители Польского комитета национального освобождения. А это демократические и коммунистические силы. И воспрепятствовать этому Черчилль не сумел.

— Задача группы, — заговорил Платов, — наблюдение за иностранными гостями. Вы будете непосредственно допущены до первого круга охраны, точнее, внутрь его. Ваша задача — вовремя выявлять поползновения шпионов, добраться до секретных договоренностей, документации. Попыток оказывать давление, выживания информации.

— Она очень важна для нас, эта конференция? — снова спросил Шелестов.

— Нет, — неожиданно ответил Берия. — Эта конференция нам не нужна. Договоренности между государствами мало что значат, потому что очень легко нарушаются. Достаточно придумать более или менее правдоподобное обвинение — и можно забрать на-

зад данное слово, обещание дружбы. Для них конференция — способ прощупать нас, понять нашу мотивацию, наши намерения, оценить стремление добиваться своих целей и цену, которую мы готовы заплатить за достижение своих целей. Конференция нужна странам-участницам, чтобы прозондировать почву, добраться до секретов противника, понять их скрытые намерения. Именно противника, потому что Черчилль никогда не был другом нашей страны, несмотря на все его союзнические действия, несмотря на гуманистическую деятельность его жены, в том числе и на благо нашей страны. Черчилль никогда не называл предшествующие войны 1-й мировой, 2-й мировой. Он считает их одной «30-летней войной по переделу сфер влияния». Вот и конец всякому красивому словоизлиянию. Передел сфер влияния!

— Вы же понимаете, — добавил Платов, — что Запад хорошо знает, что, кроме нашей страны, никто победить гитлеровскую Германию не может. А зверь сорвался с цепи, и его надо вернуть в логово. А нашу страну нужно мотивировать на продолжение войны до конца. А значит, можно имитировать всестороннюю помощь. Западу нужна наша победа над Гитлером, но не нужно наше влияние на Европу.

Западу нужна наша победа над Японией, но не нужно наше влияние на Восток континента.

Буторин поднял руку к шляпе, но так и не снял ее. Лиза стояла и смотрела на него своим взглядом испуганного котенка. Они провели сегодня замечательный вечер в театре, а потом, несмотря на протесты девушки, он затащил ее в ресторан, и они вкусно поели и выпили грузинского вина. Лиза хохотала и веселилась как девочка. Да, ей было двадцать восемь, но за всей своей внешней строгостью она была, по сути, все еще девочкой. И теперь он проводил ее до дома, а по дороге Лиза неудачно подвернула ногу. И Виктор на руках занес ее на второй этаж к ее квартире. И теперь он стоял в прихожей и смотрел на Лизу, понимая, что, сделай он шаг к продолжению их отношений, захотев остаться, она безропотно согласится и отдастся ему, стыдливо прикрывая лицо руками и пытается натянуть на свою грудь простыню. Наивная девочка, которая пытается устроить свою одинокую жизнь, оставшись один на один с огромным жестким миром, в котором все еще грохочет война.

— Лизонька, — тихо начал Буторин, но девушка сразу зашептала горячо, как в бреду:

— Виктор Алексеевич, вы не думайте ничего такого, если вы только захотите, я для вас...

— Лизонька, — с улыбкой перебил девушку Буторин, — ты обязательно перебинтуй ногу на ночь. Только туго перебинтуй. А вечер был замечательный! Спасибо тебе. И я захочу, обязательно захочу еще повторить его и сводить тебя на концерт и на выставку. Ты же целыми днями в буфете и ничего не видишь. Ты уже два года в Москве, а Москвы толком не видела и не знаешь ее.

— Да, — опустила пушистые ресницы Лиза, — вы правы.

Она не знала, радоваться или нет тому, что этот, пусть и не очень красивый, но сильный, мужественный, надежный человек не захотел остаться у нее на ночь. Она не знала, отказала бы она ему или нет. Наверное, не отказала бы, надеясь, что он предложит жениться на ней, родить ему детей. Она бы все сделала: и вышла замуж, и родила. И была бы послушной, доброй и ласковой женой, лишь бы всегда рядом был человек надежный, положительный. Только очень бы не хотелось Лизе, чтобы все началось у них с постели. Хотя она знала, что это важно для мужчин.

Буторин не знал, он только догадывался, как опытный разведчик, что у Лизы еще никогда не

было мужчины, догадывался по ее поведению, по многим другим признакам. Она боялась этого, но готова была решиться ради мужчины, чтобы угодить ему, удержать его хотя бы этим. Наверняка более опытные и замужние подружки шептались при ней, обсуждая эту таинственную сторону жизни, наверняка она в ужасе от того, что слышала от них, но готова была принять и эту сторону взаимоотношений между мужчинами и женщинами.

— Ты отдыхай, а я завтра с утра навещу тебя на работе, и ты мне нальешь горячего кофе. Договорились?

— Договорились, — счастливо заморгала глазами Лиза.

Буторин спускался по лестнице, зажав папиросу в уголке рта и хлопая себя по карманам в поисках спичек. «Черт, вот ведь неприятная часть моей работы, — думал он. — А тут еще и спички куда-то подевались. Ей ведь замуж пора, ей хочется замуж, а тут я голову морочу. Но с другой стороны, мало ли мужчин, у которых с женщинами чисто дружеские отношения. Я же ее не лапал сегодня, целоваться не лез, намеков всяких не делал. Просто встретил “случайно” буфетчицу из наркоматовского особняка для приемов на Спиридоновке. Ну погуляли, поболтали, посидели в ресторане. Хорошая она,

эта Лиза, и можно надеяться на ее помощь, если придется. Вон как на нее смотрят, как с ней заигрывают иностранные журналисты и репортеры. Да из британской делегации кое-кто ей глазки строит. Так что одним ухажером больше, одним меньше, и в глаза это никому особенно не бросится. А доверительные отношения с ней нужны, тут Шелестов прав».

Вот интересно, а чего он сам не взялся ее обрабатывать? Эта мысль привела Буторина в веселое расположение духа. Спичек он в карманах пальто так и не нашел, а на улице сейчас встретить прохожего, может, и не удастся. Дойти до постового милиционера на углу Нижнего Кисловского и Воздвиженки.

Выйдя из подъезда, Буторин нос к носу столкнулся с мужчиной в черном пальто и надетой на глаза кепке.

— Товарищ, огоньку не найдется? — приветливо поинтересовался Виктор.

— Не курю, — не обернувшись, бросил через плечо мужчина. — Извините.

«Ну, бука шепелявый, — нахмурился Буторин. — Не курит он! Жена, что ли, домой не пустила. Ладно, кого-нибудь еще встречу», — решил Виктор и зашагал в сторону Никитского бульвара. До особняка Наркомата внутренних дел еще топать с полчаса. Кто-нибудь да встре-

тится. Сунув руки глубоко в карманы пальто, Буторин зашагал, поглядывая по сторонам, надеясь увидеть огонек папиросы и прикурить у прохожего. Поэтому он и заметил в подворотне человека. Света в окнах не было, в Москве соблюдалась светомаскировка, но Буторин все же рассмотрел ноги человека, сидевшего за коваными, открытыми наполовину решетчатыми створками ворот. Шляпа валялась рядом, руки безвольно опущены, а с виска на щеку стекала кровь. Свежая.

— Эй, ты что?

Буторин забежал в подворотню и присел рядом с человеком на корточки. Он приложил палец к его шее, пытаясь найти пульс. Почувствовать удары сердца удалось с трудом. Буторин вскочил, пытаясь сообразить, где поблизости может быть телефон, но тут открылась дверь в полуподвальное помещение, и оттуда появился бородатый мужчина в накинутах на плечи ватнике. Судя по всему, местный дворник. Старик только было раскрыл рот, чтобы осведомиться, что тут за непорядок на вверенной ему территории, как Буторин крикнул ему:

— Быстрее сюда! Здесь человека ранили, он весь в крови!

— Ах ты, боже мой! — заволновался дворник, хлопая себя ладонями по бедрам. — Это

кто ж такое злодейство удумал. Неужто опять в нашем районе бандиты объявились!

— Где ближайший милицейский пост, старик? — прервал стенания дворника Буторин.

— Так тут рядом, — глядя на раненого и качая головой, ответил тот. — Сейчас я свисток достану, сейчас я...

Дворник затопал валенками в калошах по подворотне, роясь в кармане и доставая милицейский свисток. Буторин подумал, что как же это хорошо было придумано еще много лет назад, в первые годы советской власти, когда дворники были ответственными не только за чистоту территории вокруг своего дома, но и за соблюдение санитарии и даже считались нештатными помощниками милиции. В случае какого-нибудь беспорядка, а уж тем более преступления именно дворники вызывали милицию, часто используя положенный каждому из них свисток. С дворниками постоянный контакт поддерживали участковые милиционеры, им рассказывали о приметах находящихся в розыске преступников, к ним постоянно при патрулировании территории заглядывали милицейские наряды, уточняя, все ли в порядке на данной территории. Вот и сейчас дворник вовремя оказался на месте и знал, что делать в этой ситуации.

Слушая, как на всю улицу разливается прерывистый звук милицейского свистка, Буторин попытался в полумраке подворотни рассмотреть рану на голове человека. Кровь понемногу переставала идти, значит, ранение поверхностное. Но это лишь ранение мягких тканей головы, а вот сам удар был сильным, с сотрясением мозга, а может, результатом его было и внутреннее кровоизлияние в мозг. А вот и орудие преступления, понял оперативник. Рядом валялся кирпич со следами крови.

Подбежавшим милиционером оказалась миловидная девушка с ямочками на щеках. Буторин заранее достал из кармана свое служебное удостоверение, чтобы сэкономить время и не пускаться в долгие объяснения. Девушка вскинула руку к форменной шапке-финке с кокардой.

— Младший сержант милиции Зиновьева! Что случилось?

— Майор госбезопасности Буторин! Здесь ранен человек, произошло преступление. У раненого еще имеются признаки жизни. Срочно вызывайте скорую и оперативную группу.

— Следы преступления, — заученно заторопилась девушка, но Буторин только махнул рукой.